

ОРХАН ПАМУК

Новая жизнь

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.512.161
ББК 84(5Тур)-44
П 15

Orhan Pamuk
YENI HAYAT
Copyright © 1994, Iletisim Yayıncılık A.S.
All rights reserved

Перевод с турецкого Аполлинаруи Аврутиной
Серийное оформление Владимира Гусакова
Оформление обложки Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-31429-0

© А. С. Аврутина, перевод, 2009
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

1

Однажды я прочитал книгу, которая изменила мою жизнь. С первых же страниц я ощутил в ней такую силу, что мне показалось, будто тело мое отрывается от стола, за которым я сидел, и поднимается в воздух. И в то же время всем своим существом я чувствовал, что продолжаю сидеть на стуле, за столом, а книга по-прежнему воздействует не только на мое сознание, но и на все, что делает меня мною. И таким сильным было это воздействие, что чудилось — со страниц книги мне в лицо бьет фонтан света, и свет этот ослепляет мой разум, заставляя его сиять. Я решил, что теперь смогу заново воссоздать самого себя, оставить нынешний путь ради новой жизни, в которую мне предстояло войти. Я сидел за столом и краешком сознания видел, как, пока менялась моя жизнь, я переворачиваю листы книги, читая новые слова, новые страницы. Потом я вдруг почувствовал себя настолько беспомощным, настолько неготовым к тому, что ожидает меня впереди, что, повинаясь интуиции, отстранился от книги, словно хотел укрыться от ее силы. И тут я со страхом заметил, что мир вокруг изменился, и меня охватило глубокое чувство одиночества. Я слов-

но оказался в далекой стране — один, не зная ни ее языка, ни традиций, ни географии.

Ощущение безысходности, навеянное этим одиночеством, еще сильнее привязало меня к книге. Она должна была подсказать мне, что делать в этой незнакомой стране, во что я должен верить, что должен увидеть; ей предстояло определить путь, по которому отныне пойдет моя жизнь. Переворачивая страницу за страницей, я стал читать книгу как путеводитель, что указывает дорогу в чужой, дикой стране. Мне хотелось попросить ее: «Помоги мне, книга, помоги обрести новую жизнь, без горя и бед». Так я пытался найти свой путь и, замирая, представлял неизбывные чудеса, что уведут меня со старой тропы.

Все это время книга лежала на столе. От нее исходило сияние, хотя она и казалась хорошо знакомой, привычной вещью, похожей на другие предметы в моей комнате. Я заметил это с изумлением и радостью — мне было приятно, что книга, которая изменит мою жизнь, представлялась мне обычной. Пока разум медленно воспринимал чудеса и страхи нового мира, обещанные книгой, я в который раз задумался о случайности, приведшей меня к ней, но эти раздумья были поверхностны. Я все читал и читал, однако новый мир, показанный мне книгой, был настолько чуждым, невероятным и удивительным, что, опасаясь погрузиться в него полностью, я с тревогой попытался нащупать хотя бы какую-то связь с реальностью. В душе моей рос страх: что, если я отвлекусь от книги, посмотрю на свою

комнату, на шкаф, на кровать или выгляну на улицу и увижу совершенно иную реальность?

Минуты и страницы следовали одна за другой. Вдалеке проходили поезда, я слышал, как мать вышла из дома и через какое-то время вернулась. До меня доносился обычный гул города, звон колокольчика продавца йогуртов, прошедшего мимо дома, шум машин, но все знакомые звуки мнились мне чужими. Какое-то время на улице лил дождь, звучали голоса девочек, прыгавших через скакалку. Затем мне показалось, будто за окном проясняется, хотя по стеклу стекали капли дождя. Я прочитал следующую страницу, затем еще и еще. Свет струился ко мне от порога иной жизни; я видел все то, что знал до сих пор и чего не знал. Я узрел свою будущую жизнь и направление, которое она теперь должна принять...

Я медленно переворачивал страницы, и в это время мир, о существовании которого я прежде ничего не ведал, проник в мою душу и поселился в ней. Все, что я знал до сих пор, о чем размышлял, превратилось в ничего не стоившие мелочи. Теперь передо мной предстало неизведанное в виде загадочных знаков. Если бы в тот момент у меня спросили, что они означают, я бы ничего не ответил. Я словно медленно шел по дороге, с которой невозможно повернуть назад, чувствуя, как теряю всякий интерес к тому, что остается позади. В новой жизни, открывавшейся передо мной, все казалось заслуживающим внимания. Я изнемогал от любопытства, хотя туманность и многообразие того, что я видел, порождали во мне безотчетный страх.

Я пугался при виде утративших былую роскошь гостинных, бешено несущихся автобусов, усталых людей, поблекших букв, сгинувших городов и человеческих жизней, — в свете, излучаемом книгой, я видел призраков. Речь шла о путешествии. Я чувствовал чей-то взгляд, неотступно следивший за мной во все время этого путешествия, — казалось, он вот-вот обнаружит себя в самый неожиданный момент, но он ускользал, и мне приходилось самому его искать. Мягкий взгляд, давно избавившийся от груза вины, греха... Я бы сам хотел стать этим взглядом. Оказаться в мире, который видел тот взгляд. Поверить, будто я в нем живу. Впрочем, этого уже не требовалось — теперь я и в самом деле жил в том мире. А раз так, значит в книге речь шла обо мне: кто-то завладел моими мыслями, а затем решился их записать.

Так я понял: в словах заключен один смысл, но говорят они о другом. С самого начала я ощущал, что книга написана для меня. Именно поэтому каждое слово, каждая фраза так воздействовали на меня. Дело не в том, что слова, переливаясь и сияя, казались мне волшебными, нет; я чувствовал — книга рассказывает мою историю. Не знаю, каким образом я это понял. Возможно, я просто забыл, пытаюсь отыскать свой путь среди смертей и исчезнувших знаков.

Пока я читал, мой взгляд превращался в слова книги, а слова книги становились моим взглядом. Ослепленные ярким светом глаза перестали отличать мир в книге от книги в мире. Словно вся все-

ленная, все цвета и предметы разместились в книге среди слов, а я, счастливый и изумленный, воплощал все это в реальности. Продолжая читать, я все больше понимал: то, о чем рассказывает мне книга — сначала шепотом, затем все громче, почти причиняя физическую боль, — уже хранилось в глубине моей души многие годы. Я поднимал на поверхность клад, много веков пролежавший на дне океана; мне хотелось сказать: «Теперь он наконец принадлежит и мне тоже!» Когда я дошел до конца, читая последние страницы, я не мог избавиться от мысли: «И я об этом думал». Позже я узрел смерть, которая явилась мне, точно ангел, среди тьмы и сумерек.

Я понял, что моя жизнь удивительным образом обогатилась. Теперь я боялся одного — расстаться с книгой. Меня больше не пугала мысль, что, взглянув на мир, на окружающие предметы, на комнату, я не сумею увидеть того, о чем рассказала мне книга. Я держал ее двумя руками, вдыхая запах бумаги и типографской краски, — как в детстве, когда читал журналы с картинками. Книга пахла точно так же.

Я встал из-за стола, подошел к окну, коснулся лбом холодного стекла и выглянул на улицу, как делал, когда был маленьким. Грузовик, стоявший на противоположной стороне улицы пять часов назад — именно тогда я положил на стол книгу и начал читать, — уже уехал. Из машины выгрузили зеркальные шкафы, массивные столы, журнальные столики, коробки, торшеры — в пустую квартиру напротив въезжала новая семья. Занавески еще не по-

весили, и в свете яркой электрической лампы без абажура я увидел, как родители средних лет вместе с сыном и дочкой ужинают перед включенным телевизором. У девушки были светло-каштановые волосы, экран телевизора светился зеленым светом.

Некоторое время я смотрел на новых соседей, мне нравилось наблюдать за ними — возможно, потому, что я еще не привык к их лицам. Каким-то образом это рождало во мне чувство защищенности. Мне не хотелось признаваться в том, что старый, знакомый мир вокруг меня изменился, хотя было ясно: и улицы уже не те, и моя комната, и мама, и друзья — все стало другим. Казалось, вокруг ощущалась некая враждебность, угроза, но я не знал, откуда она исходит... Я отступил на шаг от окна, но к книге, чей зов ощущал, вернуться пока не мог. За моей спиной, на столе, лежало то, что изменило мою жизнь. Как бы я ни старался этого избежать, мой новый путь начинался там, среди книжных строк.

В какой-то момент чувство оторванности от прошлой жизни устрало меня настолько, что мне захотелось вернуть все как было, вновь обрести покой. Однако книга — существует, а значит, возврата к прежней жизни нет.

Мама позвала меня ужинать, я вышел из комнаты и, точно чужак, который пытается освоиться в новой квартире, сел за стол и попытался с ней поговорить. Телевизор был включен, на тарелках лежали картошка с рубленным мясом, лук-порей с оливковым маслом, салат из зелени и яблоки. Мама рассказывала о новых соседях, только что поселившихся

напротив, о рынке, о дожде, о новостях, переданных по телевизору, о ведущем новостей. Сказала, что я молодец: сел работать после обеда и все это время не выходил из комнаты. Я любил мать — она была красивой, деликатной и понимающей женщиной — и чувствовал себя виноватым, потому что, прочитав книгу, попал в мир, далекий от нее.

Если бы книга была написана для всех, рассуждал я, то, вероятно, жизнь вокруг давно бы изменилась. Разумный студент-технар, каким был я, живущий по законам логики, не может смириться с мыслью, что какая-то книга написана для него одного. Тогда почему вокруг ничего не меняется? Мне было страшно думать, что книга — это загадка, предназначенная только для меня. Позже, когда мама стала мыть посуду, мне захотелось помочь ей, прикоснуться к ней, вернуться в настоящее время.

— Сынок, оставь, я помою, — сказала она.

Какое-то время я смотрел телевизор, пытаюсь попасть в его мир, а может, выжидая момента, чтобы сломать его одним пинком. Но телевизор был нашим старым знакомым, чем-то вроде семейного идола. Я надел пиджак и ботинки.

— Пойду пройдуся.

— Когда вернешься? — спросила мама. — Тебя ждать?

— Не жди. Ты всегда засыпаешь перед телевизором.

— Свет в комнате погасил?

Я вышел на улицы своего детства, где прожил двадцать два года. Теперь я не мог избавиться от

чувства, будто очутился в чужих, полных опасностей пределах, в незнакомой стране. В лицодохнул влажный декабрьский холод, и я сказал себе: наверное, что-то все же перекочевало из старого мира в новый. И сейчас мне, шагающему по мостовым и улицам своей жизни, предстояло в этом убедиться. Меня так и подмывало пуститься бегом.

Я быстро шел по темным тротуарам, мимо огромных мусорных контейнеров, вдоль стен и заборов, по грязным лужам, и каждый сделанный шаг свидетельствовал о том, что новый мир становится реальностью. Платаны и тополя, которые я помнил с детства, на первый взгляд казались такими же, как раньше, но связывающие меня с ними воспоминания и ассоциации утратили силу. Я смотрел на усталые деревья, на знакомые двухэтажные здания, на грязные жилые дома. Я видел, как их строили, начиная с рытья котлована под фундамент и кончая укладкой черепицы; играл там с новыми друзьями. Теперь же они представлялись мне фотографиями, невесть когда и для чего сделанными. Я узнавал их по теням, по освещенным окнам, по деревьям в садах, по вывескам на фасадах, но совершенно не ощущал власти знакомых мне предметов. Старый мир был здесь, передо мной, рядом со мной, на улицах, вокруг меня: в знакомых витринах бакалейной лавки, в пекарне на площади перед вокзалом Эренкёй¹, чьи окна еще светились, в лавке зеленщика, где стояли ящики с фруктами, в кондитерской «Жизнь»,

¹ Эренкёй — район в азиатской части Стамбула. — *Здесь и далее примеч. перев.*

в старых грузовиках, плащах, в темных усталых лицах прохожих. От вида этих теней, трепетавших в ночных огнях, стало холодно на сердце. Я будто скрывал что-то преступное. Мне хотелось бежать от знакомых улиц, от печали мокрых деревьев, от неоновых букв, отражавшихся на влажном асфальте, от ламп овощных и мясных лавок. Дул легкий ветерок, капало с веток, я услышал какой-то гул и решил, что книга — это дарованная мне тайна. Меня охватил страх, мне захотелось с кем-нибудь поговорить.

Я вошел в кофейню «Молодость», на площади перед вокзалом, где некоторые мои приятели из нашего квартала все еще собирались по вечерам и играли в карты, смотрели по телевизору футбол или просто трепались, — они просиживали там часами. Знакомый мне студент университета, работавший в лавке отца-сапожника, и еще один живший неподалеку приятель, который играл в футбол за любительскую команду, сидели за столом у самой стены и болтали. На их лицах играли отсветы черно-белого телевизора. Я заметил прочитанные газеты с растрепанными страницами, два чайных стаканчика, сигареты и бутылку пива, которую они купили у бакалейщика, а теперь спрятали под столом. Мне нужно было с кем-то поговорить, побеседовать по душам, но я сразу же понял, что с этими двумя не найду общий язык. Меня внезапно охватила такая печаль, что на глаза навернулись слезы. Людей, которым я открою свою душу, мне предстояло выбирать из тех, кто уже жил в мире книги.

Я ощутил себя полноправным хозяином своего будущего, хотя я и знал, что мной управляет книга. Она не только проникла в мое сердце, точно тайна или грех, — из-за нее я утратил способность разговаривать с людьми и жил словно во сне. Куда исчезли подобные мне тени, с которыми я мог бы потолковать, где та страна, в которой смогу обрести мечту, взывавшую к моему сердцу, где обитают те, кто читал книгу?

Я перебрался через железнодорожные пути, прошел по переулкам, наступая на опавшие желтые листья, липнущие к асфальту. Внезапно я ощутил прилив сил и решил, что если буду все время так идти, быстро, не останавливаясь, то, наверное, смогу добраться до мира книги. Однако на самом деле новая жизнь, чье биение я ощущал в своей душе, была где-то очень далеко, в краях, которые невозможно разыскать, хотя я чувствовал, что приближаюсь к ней, пытаюсь оставить позади свое прошлое.

Дойдя до песчаного берега, я с изумлением увидел, что море выглядит совершенно черным. Почему я раньше не замечал, что Мраморное море по ночам такое темное, такое жестокое и безжалостное? В том мимолетном безмолвии, куда увлекла меня книга, я вдруг начал различать язык, на котором говорит окружающий меня мир. Я почувствовал, сколь торжественно море, и снова ощутил неотступность собственной смерти, которую встретил, читая книгу. Но сейчас у меня не возникло ощущения конца, как бывает, когда действительно приходит смерть. Скорее это было любопытство и волнение человека, который только начинает жить.

Я бродил по песчаному берегу. В детстве с ребятами из квартала мы часто искали что-то здесь среди консервных банок, пластмассовых мячей, бутылок, пляжных тапочек, прищепок, электрических лампочек и резиновых пупсов, что кучами выносило на берег море после штормов. Мы искали волшебный клад, что-то сверкающее, удивительное, а что именно — сами не знали. На мгновение мне показалось, что если мои глаза, озаренные светом книги, внимательно посмотрят на любой предмет старого мира, то смогут превратить его в ту волшебную вещь, которую мы искали детьми. Затем ко мне вновь вернулось пронзительное чувство одиночества; возникла мысль: сейчас темное море поднимется и поглотит меня.

Тревога овладела мной, и я зашагал быстрее, чтобы как можно скорее оказаться в комнате наедине с книгой. Я почти бежал к дому и казался себе неким существом, сотканным из книжного света. Это сравнение меня успокаивало.

У отца был хороший друг, его ровесник, который много лет проработал на государственной железной дороге и дослужился до должности контролера. Он писал в журнал «Железная дорога» полные энтузиазма статьи о профессии железнодорожника. Более того, сочинял, сам иллюстрировал и издавал детские комиксы в серии «Детская неделя приключений». В те дни я часто прибегал домой и с головой погружался в истории вроде «Питер и Пертев» или «Камер в Америке», подаренные мне дядей Рыфкы; все они имели одинаковый финал. На последней

странице всегда, как в кино, возникали пять букв: «Конец». Читая эти пять букв, я не только оказывался изгнан за пределы волшебной страны, в которой хотел остаться, но и с болью понимал, что ее выдумал контролер железной дороги, дядя Рыффы. Однако в книге, к которой спешил вернуться, все было настоящим, и потому я нес ее в своем сердце, а мокрые улицы, по которым бежал, представлялись мне нереальными — частью какого-то скучного урока, назначенного мне в наказание. Возможно, потому, что книга — мне так казалось — говорила о том, для чего я существую в этом мире.

Я прошел железную дорогу и уже огибал мечеть, как вдруг заметил перед собой лужу; попытался перескочить через нее, нога за что-то зацепилась, и я рухнул на грязный асфальт.

Поспешно вскочив, я уже собирался идти дальше, как вдруг какой-то бородатый старичок, наблюдавший мое падение, запричитал:

— Ой, как ты плохо упал! Тебе больно?

— Да, — ответил я. — Вчера умер мой отец. Сегодня похоронили. Был он настоящим дерьмом — все время пил, бил мать, не хотел, чтобы мы здесь жили, поэтому много лет мы провели в Виран-Баге¹.

Откуда я взял это название, Виран-Баг? Я почувствовал себя жутко сообразительным, хотя старик наверняка понял, что ему морочат голову. Уж и не знаю, что было тому причиной: легкость, с которой я выдумал свою ложь, или растерянность, на-

¹ Это название в буквальном переводе с турецкого означает «разоренный сад».

писанная на лице старика, но я сказал себе: «Не бойся, иди вперед! Тот мир из книги — истинный мир!» Но мне по-прежнему было страшно...

Почему?

Я слышал, что бывало с людьми, у которых жизнь, как у меня, пошла под откос из-за одной лишь книги. Слышал истории о тех, кто, проглотив за одну ночь труд под названием «Основные принципы философии» и поверив каждому слову, на следующий день вступал в ряды пролетарских революционных пионеров, а еще через пару дней их ловили во время ограбления банка. Я знал и тех, кто, начитавшись книг вроде «Ислам и новая мораль» или «Коварство европеизации», тут же перебирался из пивной в мечеть и на холодных, как лед, модельных ковриках, вдыхая аромат розовой воды, терпеливо ждали смерти, которой предстояло прийти лишь пятьдесят лет спустя. Я даже был знаком с теми, кого увлекли книги под названием «Свобода любви» и «Познай себя», с поклонниками знаков зодиака. Даже они могли совершенно искренне сказать: «Эта книга за одну ночь изменила всю мою жизнь!»

На самом деле меня беспокоило не это — я боялся одиночества. Боялся, что неправильно понял книгу. Боялся, что воспринял ее поверхностно или, напротив, слишком глубоко. Боялся быть не таким, как все. Боялся задохнуться от любви. Боялся познать тайну всего сущего, но при этом выглядеть смешным, пытаясь поделиться ею с теми, кто знать ее не хотел. Боялся попасть в тюрьму или сума-

сшедший дом. Боялся понять, что мир гораздо несправедливее, чем я думал. Боялся того, что не смогу добиться любви красивых девушек. Ведь если все написанное в книге — правда, если подобный мир может существовать, то зачем тогда люди все еще ходят в мечеть? Зачем тратят жизнь на болтовню в кофейнях и каждый вечер, чтобы не умереть от скуки, торчат у телевизора или у окна: а ну как на улице случится нечто занятное, промчится автомобиль, или лошадь заржет, или пьяница затеет драку...

Уж и не помню, когда я сообразил, что квартира на втором этаже, в окна которой я долгое время пытался заглянуть сквозь неплотно задернутые занавески, принадлежит железнодорожнику дяде Рыффы. Сам того не понимая, я решил передать ему привет с порога новой жизни. Мной овладело странное желание еще раз взглянуть на предметы, которые я видел у него дома, когда в последний раз навещал его с отцом: клетку с канарейками, настенный барометр, развешенные фотографии железной дороги в аккуратных, изготовленных на заказ рамочках. Полюбоваться на буфет со стеклянными дверцами, за которыми ликерные рюмки соседствовали с миниатюрными вагончиками, серебряной сахарницей, компостером контролера и медалями за службу на железной дороге, а также несколькими десятками книг. Проверить, стоит ли по-прежнему на буфете самовар, которым никогда не пользовались, лежат ли игральные карты на столе... Сквозь приоткрытые занавески я видел отсвет телевизора, но людей не различал.

Преисполняясь решимости, я забрался на забор, отделявший сад от улицы, и сквозь щель в занавесках увидел вдову контролера дяди Рыфки, тетю Ратибе. Глядя в экран телевизора, развернутый под углом сорок пять градусов к пустовавшему креслу мужа, она ссутулилась, совсем как моя мама, — только мама обычно вязала, а тетя курила, сильно дымя.

Дядюшка Рыфки умер два года назад, на год раньше моего отца, скончавшегося от сердечного приступа, но умер не своей смертью. Однажды вечером его застрелили по дороге в кофейню, убийцу так и не поймали. Говорили, что это было убийство из зависти, но мой отец никогда этому не верил. Детей у супружеской пары не было.

Глубоко за полночь — мама уже давно заснула — я сидел за столом как истукан и смотрел на книгу, лежавшую передо мной. Волнуясь и испытывая воодушевление, всецело отдаваясь свету, льющемуся из книги, я забыл обо всем, что происходило в нашем квартале каждую ночь: гаснущие огни, печаль пустынных и мокрых улиц, выкрики проходившего последний раз по окрестностям торговца бузой¹, нехотая раскаркавшиеся вороны, терпеливый стук колес длинных товарных поездов, трогавшихся в путь только после того, как прошла последняя электричка. Все, что до этого дня составляло мою жизнь и питало фантазию, полностью стерлось из сознания: кинотеатры, однокурсники, ежедневные газеты, газировка, футбольные матчи, столы в аудито-

¹ *Буза* — слабоалкогольный напиток из проса.

рии, стамбульские паромы, красивые девушки, мечты о счастье, моя будущая возлюбленная, жена, мой стол на будущей работе, утренние часы и завтраки, билеты на автобус, незначительные проблемы, задания по статике, которые я не успевал делать, старые брюки, пижамы, ночи, возбуждавшие меня журналы, сигареты и даже верная кровать, ожидавшая за моей спиной, чтобы даровать самое надежное забытие. Все это исчезло из моего сознания, и я увидел, что гуляю один — там, в стране, рожденной из света.

Памук О.

П 15 Новая жизнь : роман / Орхан Памук ; пер. с тур. А. Аврутиной. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-31429-0

«Новая жизнь» — самый загадочный роман популярного турецкого писателя Орхана Памука, лауреата Нобелевской премии по литературе. Главный герой — студент Стамбульского университета — читает некую Книгу, полностью меняющую его представление о реальности. Он будто оказывается в новом мире, где действуют совершенно иные правила. Растеряв всякие ориентиры, Осман обращается за помощью к прекрасной девушке по имени Джанан, студентке с параллельного потока, у которой впервые увидел Книгу. Вскоре, однако, Джанан исчезает при загадочных обстоятельствах, и, чтобы отыскать ее следы, Осман отправляется в бесконечное путешествие, наугад меняя автобусы, пытаясь нащупать «тайну скрытой геометрии, именуемой жизнью».

УДК 821.512.161
ББК 84(5Тур)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ОРХАН ПАМУК
НОВАЯ ЖИЗНЬ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Татьяна Филатова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ольга Попова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.08.2026.

Формат издания $76 \times 100 \frac{1}{32}$. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-NAM-48678-01-R